
детектив - событие

**Читайте детективы Евгении Михайловой, в которых истина и любовь
побеждают всегда, несмотря на самые тяжелые испытания!**

Сломанные крылья
Закат цвета индиго
Спасите наши души
Две причины жить
Апостолы судьбы
Последнее прости
Исповедь на краю
Танцовщица в луче смерти
Длиннее века, короче дня
Вечное сердце
Как свежи были розы в аду
Совсем как живая
Испить чашу до дна
Солнце в крови
Бегущая по огням
Темные тени нехорошей квартиры
Во мраке сверкающих звезд
Город сожженных кораблей
Женщина с глазами Мадонны
Мое условие судьбе
Разрушительная красота
Плата за капельку счастья
Встреча в час волка
Роль любимой женщины
Верность как спасение
Ночная радуга
Изменить одиночеству
Мужчина несбывшейся мечты
По осколкам разбитого зеркала
Струны черной души
Отпущение без грехов
Имитация страсти
Жизнь вопреки
Перевернутый мир
Вместо громких слов
Синдром Дездемоны
Окна в облаках

Евгения Михайлова

ОКНА В ОБЛАКАХ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М69

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Михайлова, Евгения.

М69 Очна в облаках : сборник рассказов / Евгения Михайлова. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Детектив-событие).

ISBN 978-5-04-157251-8

Этот малыш — настоящий ангел. Ему угрожает смертельная опасность, но, может быть, общими усилиями близких удастся отвоевать его у смерти?

Марина старается не вмешиваться в чужие дела, но не может пройти мимо попавшей в беду девочки, и они обе оказываются в плену у коварного преступника. Счастье, что у Марины есть знакомый частный детектив — Сергей Кольцов, всегда готовый прийти на помощь...

Чересчур заботливая мать не позволяет Паше жениться на любимой девушке. Послушный сын подчиняется, но от судьбы не уйдешь: совершив причудливый пируэт, она снова ставит его перед выбором...

Герои остросюжетных рассказов Евгении Михайловой такие разные, но их объединяет одно — неспособность пройти мимо чужой беды...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-157251-8

© Михайлова Е., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

События и персонажи вымышленные. Все совпадения с реальными фактами случайны.

САРДОР

Миниатюрная женщина поставила у стены магазина открытую детскую коляску, взяла на руки мальчика лет четырех-пяти и вошла в торговый зал. Они выглядели живописной парой. Темно-русые волосы красиво облегали аккуратную голову женщины, на затылке они были стянуты резинкой. Гладкий лоб с красивыми бровями, над маской — серьезные и настороженные темно-синие глаза. Женщина была в узких джинсах и свободной майке.

У малыша, который крепко обнимал ее за шею, под шапкой темных кудрей сияло очень светлое личико с распахнутыми черными очами. Женщина, казалось, легко несла ребенка на одной руке: он был очень худеньким. Они останавливались у витрин, она что-то выбирала и складывала в тележку на колесах. Иногда она о чем-то с ним раз-

Евгения Михайлова

говаривала, спрашивала, советовалась. Если он хотел посмотреть, женщина ставила его на ножки, как хрустального. Тут же поднимала опять.

Ирина в то утро торопилась, впрочем, как всегда. Она, почти не глядя, брала продукты с привычных мест, с большим удовольствием кого-то обгоняла, опережала. Скрывала раздражение, если не сразу получалось. Люди так устали не столько друг от друга, сколько от этого нескончаемого, мистического плена. У Ирины за время пандемии выработалась удобная привычка: не видеть никого в упор, не слышать, не принохиваться и, конечно, не вступать в контакт. Нет, у нее не было безумных фобий. Она просто избегала чужих неадекватных или озлобленных реакций.

Но когда в поле зрения попала эта пара — женщина с большим ребенком на руках, она не сразу смогла отвести взгляд. Что-то очень необычное было в обоих. Они не сливались с обстановкой. Не вписывались в серый ряд людей, существовали в каком-то особом луче святочной картинки.

Ира, обогнав всех, кого хотела, оказалась у кассы, оглянулась и обнаружила, что та женщина, ребенок, их тележка совсем близко, и позвала:

— Эй, идите сюда. Я вам заняла.

Синие глаза вспыхнули удивлением и благодарностью. Женщина с ребенком подошла к кассе. Ира заметила, как она устала от тяжести ребенка, духоты, напряжения.

И тут возник с претензиями пузатый мужик сзади. Завопил насчет «они не стояли», «я был за тобой» и тут же перешел на «понаехали всякие и нарожали»...

Женщина с ребенком уже расплачивалась, а Ира приблизилась вплотную к орущему товарищу и сунула ему под нос какие-то корочки.

— Ты понял? Это «Контрольнадзор». Сейчас только свистну, за тобой придут. Ты уже всех заплевал из-под своей рваной маски.

Идея с «Контрольнадзором» была проверена много раз и осечек не давала. Корочки с красивыми печатями Ире любовно изготовил в единственном экземпляре большой мастер рукоделия оператор Игорь. «Документ» впечатлял, а в данном случае мистификация вообще имела успех. Мужик чертыхнулся и ушел в конец очереди к другой кассе.

Когда Ирина вышла, ребенок уже сидел в своем экипаже. Продукты были уложены в рюкзак за спиной женщины, что-то она пристроила на сетку под коляской.

— Все нормально? — подошла к ним Ира.

Евгения Михайлова

— Да, спасибо вам огромное. Меня не столько очереди пугают, сколько оскорбления. Меня зовут Соня. А вас?

— Я Ирина. А как зовут самого красивого мальчика на свете?

— Сардор. Мой сыночек.

Ирина задумчиво смотрела на своего нового знакомого в коляске. Мальчик был не просто хорош. Он был слишком красивым для обычного здорового ребенка. Это о чем-то, наверное, говорит: нежное сияние бледной кожи, похожей на дорогой фарфор, тоненькие, хрупкие ножки-ручки. И эта коляска, без которой Соня и минуты ему не дает постоять.

Они медленно шли в одну сторону по направлению к домам. Говорили об общей ситуации, ценах, качестве продуктов, где что есть хорошего.

— Вы где живете? — спросила Ира, когда они приблизились к ее семнадцатизэтажному дому.

— Там, — показала Соня на кирпичный пятиэтажный дом за кустами и деревьями. — Мы снимаем комнату. Из Ташкента приехали.

— Это связано с ребенком? — неожиданно для себя самой спросила Ира. У нее было железное правило: не провоцировать ничьи рассказы о себе. Слишком много бед. Все не унесешь с собой.

— Да, — сухо ответила Соня. — Я тут пытаюсь... Прости, не хотелось бы рассказывать так, на улице. Так мы поехали? Еще раз спасибо большое за поддержку.

— Пока. Увидимся, — произнесла Ира.

Она сделала несколько шагов по направлению к своему подъезду, но вдруг оглянулась и догнала Соню.

— Подожди. Забыла совсем: я же хотела тебе свой мобильный оставить. Вдруг что-то нужно будет. Раз вы снимаете, понабиться может что угодно.

— Как это... неожиданно, — произнесла Соня своим мелодичным голосом. Произношение у нее было идеально правильное. — Знакомых у нас на самом деле практически нет.

— А баба Тася? — вдруг звонко произнес Сардор. — У нас есть тут баба Тася.

— Да, конечно, — улыбнулась Соня. — У нас есть баба Тася, милый. Мы у нее и снимаем комнату, — объяснила она Ире. — И она на самом деле очень любит мальчика. Он ее тоже.

— Отлично, — бодро сказала Ира. — Значит, вы не совсем одни. А я сейчас живу одна. Моя дочка Катя в Самаре у моих родителей. Ей пять лет. Сардору тоже примерно столько?

Евгения Михайлова

— Да, — ответила Соня. — Ему четыре года, шесть месяцев и восемь дней.

— Как это мило, — растерянно произнесла Ира. — А я дни и месяцы так сразу и не посчитаю. Так набирай мой номер, я сохраню твой.

Дома Ира сразу полезла под холодный душ: в Москве стояла тропическая жарища. Существовать можно было при наличии относительно холодной воды из крана и душа, кондиционера и морозилки. Ирина даже мокрые полотенца время от времени клала в морозилку, чтобы потом накинуть на себя и работать. Она была автором и ведущей еженедельной получасовой телепередачи «Взрослым о детях».

В магазин сходила, теперь план такой: приготовить что-то вкусное, поесть, почитать новости в интернете, послушать музыку и как-то правильно подышать, чтобы родились свежие идеи, мысли и незатасканные слова.

Ирине надо было написать сценарий передачи о выборе дальнейшего пути выпускниками школы. О столь непростом выборе в усложненных до критических и драматических параметров обстоятельствах. Съёмки в школе с математическим уклоном через два дня. С ребятами Ира уже познакомилась. Это взрослые, умные, просвещенные люди, которые ярче, честнее, откровеннее

и смелее самих себя, какими станут, приобретая тяжкий груз жизненного опыта.

Ирина уверенно и последовательно выполняла свою программу, временами прикладывая кусочки льда из морозилки к вискам, глазам, губам. Все вроде получалось. Она уже видела и слышала свою передачу, ее текст органично звучал в кадре и за ним. И вдруг что-то как будто пронзило ее мозг. Она вновь увидела перед собой эту странную, почти нереальную картинку. Хрупкая синеглазая женщина осторожно ставит на ножки большого ребенка, похожего на нежный цветок. Потом опять поднимает на руки, прижимает к себе... К чему она это вспомнила? Да вот к чему. Отобранные герои передачи Ирины — это сильные, рослые, спортивные ребята и девочки. Им многие препятствия по плечу. А вот такой мальчик, как Сардор, какой у него может быть выбор? Что ему по плечу, этому неземному чуду? Ключевое слово «неземное». Земля — она для тех, кто способен хоть что-то и кого-то себе подчинить. Какая жестокая логика. У Иры даже голова разболелась от этих мыслей. Нет. Должны же быть коллективная сила, коллективный разум, коллективная жалость, чтобы не страдали самые слабые. Должны, но вряд ли существуют в отдельно взятой стране.

Евгения Михайлова

Но почему она постеснялась спросить, что с Сардором? Теперь будет мучиться. Ирина решила закончить работу и позвонить Соне. Но за- сиделась с небольшими перерывами на кофе до ночи. Закрыла компьютер, посмотрела на часы. Скоро двенадцать. Звонить, конечно, поздно. Тогда завтра.

А в пять минут первого позвонил ее мобильный. Это была Соня.

— Ира, извини за поздний звонок, — голос у Сони был почти спокойный, но она как будто задыхалась от бега или быстрой ходьбы. — Мне не к кому больше обратиться. Я пыталась сама...

— Что случилось? Где вы?

— Мы на улице. На тротуаре между нашими домами. Там, где стоит зеленая будка. Мы тут уже час, ждем «Скорую», но никто не едет. Я сегодня работала поздно, позвонила домой, что уже возвращаюсь. А наша хозяйка Таисия Ивановна вышла с Сардором в коляске меня встречать. Мальчик никогда не спит, если меня нет. И такая беда. На них налетел парень на электросамокате. Сардор вылетел, ударился головой, ручка, говорит, болит, но ничего. А Таисия Ивановна встать не может. Острая боль. Мне кажется, у нее перелом шейки бедра. Я сразу вызвала «Скорую», по-

том еще звонила раз пять. Никого. Я подумала, может, мы как-то сумеем добраться домой. Я бы Таисию смогла поднять, наверное. А ты бы коляску повезла. Она целая. Если, конечно, такое возможно. Я не обижусь ни в каком случае.

— Господи, да о чем ты. Я иду. Только задержусь минут на десять, чтобы позвонить нормальным людям, которые смогут все организовать и прислать помощь. Нужны ведь две машины? В больницу с хирургическим отделением и в педиатрию, так?

— Нет, только первое. У Сардора нет переломов, серьезных повреждений. Таисия всегда боится, чтобы он не простудился, и даже в такую жару напяливает на него толстую шерстяную шапку. Это помогло. Сейчас ему нужна только я. А Таисию — да, в хирургию.

И вновь посреди ночи сердце Ирины пронзила яркая, драматичная картина, которая не вписывалась в ее опыт. Под светом фонаря тоненькая женщина крепко прижимала к себе ребенка, по светлому личику которого ползла струйка алой крови. У ее ног лежала грузная седая женщина и быстро говорила хриплым голосом между стонами:

— Ничего, моя деточка. Не бойся, Сардор. Нас заберут отсюда. Ты только не переживай.

Евгения Михайлова

Мне не очень больно. О-о-о-ой, Сонечка. Они уже едут, наконец?

— Они едут, — подошла к ним Ирина. — Потерпите минут пять, Таисия Ивановна. Все будет хорошо.

Машина «Скорой» остановилась рядом через несколько минут. Оттуда вышел заведующий хирургическим отделением Николай Петрович, который был постоянным консультантом-экспертом в передачах Ирины. Его сотрудники переложили Таисию Ивановну на носилки.

— Я считаю, нам нужно обследовать ребенка, — произнес Николай Петрович, пристально глядя на Соню, которая прижимала Сардора так отчаянно, как будто боялась, что его вырвут у нее.

— Спасибо, — проговорила Соня. — Но моему сыну сейчас необходимо попасть домой, лечь в постель, принять свои лекарства. Ему нельзя волноваться, тревожиться, бояться. Я хорошо его осмотрела. У Сардора нет серьезных повреждений от падения. Но у нас большая, огромная проблема, с которой надо справляться самим каждую минуту. У мальчика «дырявое сердце», вы же понимаете, что это такое. Никто не берется за операцию.

— Да, конечно, — немного растерянно произнес Николай Петрович. — Врожденное отверстие в межпредсердной перегородке... Что говорят специалисты?

— Что операция невозможна. У нас не одно отверстие, а пять. Они говорят, что это была бы не операция, а многочасовой эксперимент, который к тому же слишком дорого стоит. И что Сардор не вынесет этого. У него было четыре клинические смерти. Он возвращался только на мой голос.

Николай Петрович внимательно посмотрел в решительное лицо Сони и повернулся к Ире:

— Ирина, тут мать, наверное, права. Давайте мы вас довезем хотя бы до дома.

— Спасибо большое, Николай Петрович, — сказала Ира. — Их дом там, за деревом. Нам легче дойти пешком с коляской, чем загружаться в машину. Мне можно будет навестить Таисию Ивановну?

— Конечно. Только со звонком. И лучше уже после операции. Будем на связи. А ребенка берегите. Под самокаты не надо попадать. К сожалению, это все, что я могу посоветовать.

Квартира Таисии Ивановны была двухкомнатной, чистой, очень скромно обставленной, но уютной. Красивые занавески на окнах, симпатич-

Евгения Михайлова

ные светильники, кружевные салфетки ручного плетения.

Соня положила ребенка на диван в гостиной и, кажется, забыла об Ирине. Она совершенно выпала из действительности как отдельный человек. Соня стала действием, силой свыше, ангелом спасения Сардора. Ирина почти с благоговением смотрела, как нежно мать освобождала сына от одежды, как спокойно и ласково объясняла ему, что случилось, как им нужно сейчас поступить. Как ему следует дышать, как поможет теплая ванна, как станет лучше от лекарства, какой вкусный ужин Соня приготовит на тот случай, если ему захочется есть. Ребенок дал посмотреть свои ушибы, четко объяснил, где и как болит. У этого малыша была прекрасная дикция и такое умение ясно выражать свои мысли, какое у взрослого редко обнаружишь.

Пока Соня с Сардором были в ванной, Ира позвонила Николаю Петровичу и узнала, что они уже на месте. Таисию Ивановну устроили в маленькой одноместной палате. Боль сняли, она уснула. Рентгент и все, что требуется для операции, оставили до утра.

— Как ребенок? — спросил Николай Петрович.

— Мне кажется, неплохо, — ответила Ира. — Он даже немного порозовел, когда Соня его уложила, осмотрела. Какой-то удивительный ребенок: он совершенно спокойно, четко, ясно отвечает на вопросы. Соня права: сотрясения мозга точно нет. Его не тошнит, он даже собирается поесть после ванны и лекарств.

— Это хорошие новости. Я желаю этим двоим хорошей ночи. Для них часы и минуты важнее, чем для большинства людей. На всякий случай оставьте матери мой телефон. Не мой профиль, но если что-то срочное, вдруг чем-то помогу.

Ирина попрощалась и вдруг даже не задумалась — застыла, как на ветру. Врач ведь сказал буквально следующее: минуты и часы Сардора очень важны, потому что их у него мало... И это для врача очевидно. И даже на него эта невероятная пара произвела сильное впечатление.

Самое острое и болезненное чувство — это сопереживание. Его труднее всего переносить, потому что настоящая жалость — она не для демонстрации, это твое личное дело, ее нужно умело скрывать, чтобы никого не унижить, не оскорбить ничьих надежд, не порадовать чужую беду.

Когда Соня вынесла из ванной Сардора в пушистом полотенце, Ирина весело помахала им из кухни:

Евгения Михайлова

— А я тут все нашла. И чай заварила, и даже сырники начинаю печь. Как вам такое?

— Отлично. Спасибо, — сказала Соня. — Нам еще нужно минут двадцать, чтобы все правильно сделать. Если Сардор после лекарства уснет, мы с тобой съедем твои сырники.

— Я не усну. Я буду, — голосок Сардора был тихим, хрустальным и как будто треснутым.

У Иры заняло в груди, когда она представила маленькое детское сердечко, пробитое пятью пулями злой судьбы.

— А никто без тебя и не собирается ничего есть, — бодро произнесла она.

Это была странная ночь — без времени. Ирина что-то делала на кухне. Просто сидела, стояла, смотрела в темный двор с какой-то бутафорской луной над деревьями. Она ни о чем не думала, не ждала, не торопилась. Ей совершенно не хотелось домой. Ирина была уместна именно здесь, сейчас, при нужном деле. Вот она сторожит свои сырники, закутанные в полотенце, чтобы не остыли. Ей так хочется покормить и развлечь этих двоих, скрасить их одиночество в мире здоровых, толстокожих и безразличных людей.

Соня пришла в кухню одна.

— Сардор уснул, — сказала она. — Кажется, сегодня пронесло.

— Ты говорила, было четыре клинические смерти...

— Да, мальчик четыре раза умирал, нас забирали в реанимацию, я умоляла оставить меня там с ним. Мне разрешали постоять за дверью, и так везло... Всякий раз, когда врач говорил, что реанимационные действия уже бесполезны, мне удавалось туда прорваться... Я просто брала его за ручки и звала... И он возвращался. Ты можешь мне не верить. Мне даже врачи, которые это видели, говорили, что никогда бы не поверили, если бы это не произошло на их глазах.

— Я не сомневаюсь, — сказала Ирина. — Разумеется, я верю. Я это почувствовала даже в магазине. Поймала на расстоянии эту невероятную связь двоих, которые спасают друг друга. Соня, вы оба так красиво говорите по-русски. Вы на самом деле живете в Ташкенте?

— Да, я там родилась. Сардор тоже. Но моя семья из Москвы. Родные оказались в Узбекистане в эвакуации во время войны. А потом так получилось, что не смогли вернуться. Я училась в Москве, в педагогическом, на факультете русского языка и литературы. Приехала к родителям, а меня там уже сосватали. Мой муж Умар — сын друга отца. Тебе это покажется диким, но папа как бы ему пообещал. Так я вышла замуж. Опу-

Евгения Михайлова

щу подробности, но муж сразу поставил крест на моей работе. Зато родилось солнышко — Сардор, и это все оправдало, даже тяжелый характер мужа и мою к нему нелюбовь.

— Как твой муж воспринял болезнь Сардора?

— Как примитивное и жестокое существо. Это бракованный сын. У нас могут быть другие, здоровые, нормальные дети, мы не должны тратить на это беспомощное недоразумение ни деньги, ни свои жизни. В тот год, что мы жили вместе, он ни разу не подошел к ребенку.

— И ты уехала...

— Да. Оформила всякие направления в московские клиники и институты. Но они вообще не сработали. В лучшем случае мне объясняют, что операция невозможна и что она по организации и затратам только лишит надежды тех детей, у которых реально есть перспектива. Но я продолжаю обивать пороги. Я скажу тебе, о чем я мечтаю. Для меня было бы великим и единственным счастьем, если бы мой мальчик прожил хоть год, хоть месяц совсем без боли. Он ведь лучше всех. Он — божество, которому я хочу просто служить. Это и есть смысл моей жизни.

Ирина была потрясена силой и неукротимостью этого чувства. Понятно, что дитя возвращается из-за грани на этот голос.

— На что вы живете? Муж помогает? — буднично спросила она.

— Я даю объявления по интернету. Частные уроки, подготовка к институту. И все, что придется. Этим вечером я мыла лестницы в одном доме. А муж... К сожалению, он нас нашел. Иногда приезжает, требует, чтобы я вернулась. Ему все равно как. Одна или с сыном.

Ирина ничего не услышала, но Соня сорвалась с места и на ходу объяснила:

— Сардор зовет.

Вернулись они вместе. Мальчик, розовый со сна, с ясными черными глазами, как будто омытыми росой, в белой пушистой пижамке, казался чудесным ночным видением.

— Ира, — четко и ласково произнес он своим прелестным голоском, — давай твои сырники. Я помню. Я нечаянно уснул. И мы с мамой тебя любим. Когда ты привезешь нам бабу Тасю?

— Как только врач разрешит, — отчиталась Ира. — Я ему звонила, он сказал, что завтра ей сделает операцию, исправит косточку, которая сломалась. Мы ее заберем, когда ее немного полечат.

— Хорошо, — серьезно ответил Сардор.

Ира вернулась к себе к утру. Когда ребенок окончательно уснул после позднего перекуса,

Евгения Михайлова

она еще долго говорила с Соней. Нужно срочно спать, завтра столько работы. Но она еще долго бродила по квартире, пытаясь ослабить путы того особого, яркого и трагического мира, в плену которого оказалась.

На следующее утро ее как будто разбудил собственный голос, который произнес два слова: Леон Петров. Это самый известный детский кардиохирург и руководитель клиники, в которую очень трудно попасть.

Ира вскочила, приняла душ, сварила черный кофе и села за компьютер. Прочитала биографию Петрова, нашла информацию о его семье. Так, есть. У Леона Артуровича внук — старшеклассник. Ира нашла его фотографию в Инстаграме. Красивый мальчик. Теперь нужно уточнить, в Москве ли он. Может быть в колледже Лондона, Нью-Йорка, еще где-то... Пишут, что в московской школе. Но Ира еще позвонила разным знакомым, которые знали эту семью: да, Артур, которого называли в честь прадеда-академика, живет и учится в Москве.

Ирина сначала позвонила режиссеру и редактору, сказала им, что передаче чего-то не хватает и у нее идея. Снять в этой передаче сына или внука очень знаменитого и востребованного врача не в первом поколении, чтобы немного по-

говорить о семейных династиях: хочет ли современный подросток продолжать трудное дело или его, к примеру, больше привлекает бизнес, как прямой путь к успеху. Коллеги, как всегда, с ней согласились.

— Мне такого искать? — спросила редактор Света.

— Нет, я точно такого, как хотела, нашла. Это Артур Петров, внук детского кардиохирурга. Просто я сначала поговорю с Леоном Артуровичем, получу его согласие, потом тебе перезвоню.

Дозвониться до Петрова оказалось совсем просто. Ирина объяснила причину и добавила:

— Мне бы очень хотелось поговорить с вами еще до встречи с вашим внуком. Если вы в принципе не возражаете против самой идеи. Мне нужно почувствовать дух семьи, что ли.

— Я не возражаю, разумеется, хотя Артур у нас все решает сам. Скоро шестнадцать, это вам не хухры-мухры. Но если хотите встретиться со мной — пожалуйста. Мальчик у нас непростой, я мог бы подсказать, какие вопросы его больше всего волнуют.

— Спасибо огромное. Когда?

— Да хоть сегодня. У меня будет часовой перерыв между операциями после четырех.

Евгения Михайлова

Ирина много раз видела Леона Петрова по телевизору и на фото. Он обычно улыбался, говорил скупое: только информация и позитивная сторона своего дела. Ничего заумного, никаких подробностей и дань не очень частым, но очевидным успехам. Ирина запомнила одну его фразу из интервью:

— Такое получилось разделение труда. Нам достаются только самые сложные случаи. А они не оставляют возможностей для разговоров. Так что — труба зовет.

Человек, который встретил ее в кабинете главврача и директора клиники, был не таким крупным, каким казался в кадре. Не таким уверенным и совсем не таким спокойным. В глубоких морщинах на лбу — темные тучи забот и тревог. В пристальном взгляде небольших глаз что-то вроде настороженности. А улыбнулся Леон Артурович хорошо, крепко сжал в больших теплых ладонях обе ее руки.

Секретарша принесла им две большие кружки капучино и ароматное печенье с корицей.

— Люблю детскую еду, — сказал Леон Артурович. — Успокаивает. Так о чем вы хотите поговорить с Артуром?

Ирина объяснила. Ее собеседник задумался, а потом произнес:

— Это интересная мысль, конечно. Я бы за Артура не взялся отвечать. Мальчик на распутье, а мы не хотим ему ничего навязывать. Дело в том, что его мать, моя дочка, в его возрасте уже точно знала, что работа врача — ни за что. «Никогда я не буду работать там, где каждый день смерти. И жить так, как вы с мамой, не смогу. У нас в доме столько чужого горя». Варя и ее муж экономисты. Так что Артур вполне может выбрать бизнес. Там свои опасности, но это выбор человека.

Они очень интересно, плодотворно пообщались. Ирине нравились мужчины, которые с такой любовью говорят о детях и внуках, так тонко их понимают. И она сказала об этом Леону Артуровичу.

— Да, — рассмеялся он. — У нас с Артуром полное понимание. Почти. Часто после разговора с внуком я лезу в Гугл, чтобы узнать значение тех слов, которые сыплются из него, как пух с одуванчика. И чаще всего обнаруживаю, что очередное птичье и дурацкое слово имеет вполне ясный и приличный синоним, который плох лишь тем, что родился раньше мальчика и его друзей. А теперь, моя дорогая, скажите мне, зачем на самом деле вы пришли. С внуком мы вопрос решили.

Ирина вздрогнула и даже побледнела от неожиданности.

Евгения Михайлова

— Я понимаю, Леон Артурович, что к вам подбираются под разными предлогами. Но у меня на самом деле срочная передача, и ваш внук для сюжета и вывода нам очень нужен. Независимо ни от чего. А просьба на самом деле есть. Все никак не могла найти момент, чтобы ее озвучить.

— Ирина, просьбы, мольбы и часто требования с угрозами — это и есть моя жизнь между операциями. Вы разумный человек, я сразу скажу вам, как все обстоит. Я вынужден отказывать в девяноста девяти случаях из ста. Да, еще девяносто девять сотых. У нас небольшой коллектив, тщательно отобранные специалисты, каких много не бывает на земле. Мало коек, проблемы со всем, включая препараты, которые надо добывать. Я сам оперирую все меньше: собственное сердце стало сдавать. Мы берем лишь такие случаи: без нас погибнет, с нами сможет жить долго и счастливо. Я доступно объяснил?

— Более чем. Наверное, мне озвучивать свою просьбу бесполезно...

— Кто-то в семье? Ребенок?

— Нет, моя дочь здорова. Просто невероятный случай, мое потрясение. Я недавно даже не знала о существовании этого ребенка. Но не буду больше вас задерживать.

Ирина встала, надела дежурную улыбку и начала прощаться.

— Подождите, — вдруг задержал ее руку Леон Артурович. — Расскажите. У меня есть еще время.

Ирина на одном дыхании выпалила все, что знала о неземном мальчике Сардоре. Все, что чувствовала и думала. Показала копии документов, которые взяла у Сони. Петров ее не прерывал. Слушал молча. Посмотрел, нахмурившись, на снимки рентгена и выписки истории болезни.

— А теперь давайте я скажу, — произнес он. — Я все понял. Тот ваш врач был прав: скорее всего, ребенок нежизнеспособный. Мы никогда не делали настолько усложненной операции на перегородке... А давайте попробуем. Я только поговорю с одним моим хирургом: он молодой и отважный. Если согласится — я вам позвоню.

— Я не знаю, как вас благодарить... — растерянно произнесла Ира.

— И я тут ничего не знаю. Но сказать, что на меня подействовало больше всего? Мечта матери, чтобы ее сын узнал жизнь без боли. Мне вдруг самому так этого захотелось... А я очень давно не мечтаю. Да, как я понимаю, денег у матери нет. Мне понадобится время и на то, чтобы

Евгения Михайлова

решить вопрос с благотворительными фондами. Речь о серьезной сумме.

— Я... тоже. Сколько смогу.

— Вы столько не сможете. Поберегите ваши деньги. Если у нас что-то получится — устройте праздник своему странному протезу. Игрушки, фрукты, все, что любит. Да, обязательно несколько пар очень теплых тапочек. Ножки должны быть в тепле. Как только я решу свои вопросы, вам позвонит Игорь Сергеевич Володин, хирург, сообщит, когда сможет принять ребенка на обследование. Это будет уже в стационаре. Он и назначит операцию... Я очень надеюсь, что он возьмется. Освобожу его от других пациентов. Документы оставьте.

Соня не могла произнести ни слова. Она выслушала Ирину, опустилась на табуретку в кухне и просто смотрела на нее такими огромными, потрясенными глазами, что Ира чуть не утонула в этих синих озерах.

— Ты только успокойся, — произнесла Ирина. — Не начинай себя накручивать. Мне тоже страшно. Но и надежда появилась. Проблем до операции много, нам нужно будет ждать и готовиться. Мы сделаем так, как я поступаю, начиная работу в новой интернет-программе. Просто

выполняем команды и продвигаемся вперед. Ты согласна?

— Да, — прошептала Соня. — Скажи первую команду.

— Я скажу две. Первая — расслабиться и развлечь ребенка. Затем начинать его готовить. Объяснять, что он будет в клинике, в руках очень хороших людей, что операция — это не больно. Он просто уснет.

— Меня туда пустят?

— Я рассказала главврачу о том, что вас нельзя разлучать. Но хирург будет другой. Я поговорю с ним. Да, есть и третья команда: нам скоро забирать Таисию Ивановну. Нужно купить ходунки и всякое другое: мне врач продиктовал по телефону. Это тоже вас немного отвлечет.

— Да, конечно, — Соня облегченно вздохнула: значит, до их рокового события есть еще время на другие дела. — Я все помою, постираю, придумаю, что приготовить.

— Чур, готовлю я, — заявила Ирина. — Меня именно это отвлекает от всего.

— Хорошо. Спасибо. А Сардор сказал вчера, что к приезду бабы Таси он нарисует картину.

— Это вообще блеск. Я бы никогда не догадалась нарисовать картину. Да и не смогла бы. Не говоря о том, что Таисии Ивановне нужно, чтобы

Евгения Михайлова

нарисовал именно Сардор. Ты немного пришла в себя?

— Я очень стараюсь, — ответила Соня. — Но, разумеется, я все буду делать как надо.

К возвращению Таисии Ивановны квартира благоухала и сияла чистотой. В кухне Ирина накрыла стол, расставила тарелочки с салатами из овощей и фруктов. Сардор ей сказал, что баба Тася очень полюбила авокадо, а это самый удобный компонент для любых салатов. В качестве горячего блюда Ира после совета с Сардором выбрала пожарские котлеты, старый рецепт которых нашла в интернете. Куриный фарш, яйцо, мелко порезанный чеснок, сливочное масло, сливки и батон, размоченный в молоке. Все это обвалить в сухариках. Получилась красота и, как сказал Сардор, «большая вкуснота». Котлеты ждали в духовке, осталось только разогреть. Соня купила белые розы и бутылку шампанского. Они с сыном ждали свою бабу Тасю дома.

Ирина с медсестрой из отделения Николая Петровича помогли Таисии войти в квартиру. Довели до ее комнаты, уложили отдохнуть на диван. И тут она увидела большой лист картона на стене. Это была картина Сардора. На фоне белых и темно-синих облаков парил силуэт женщины в багровом наряде с развевающимися белыми во-

лосами. Она протягивала вперед руки, ее глаза смотрели вверх... А там, в самом углу картины, стоял маленький человечек с копной темных кудрей. И под ним подпись САРДОР.

— Боже! — воскликнула Таисия Ивановна. — Что это за красота такая? Где мой любимый художник? Мне надо быстро его поцеловать.

Тут Сардор и выскочил из-за шкафа, где ждал свою музу. И побежал к бабе Тасе легко, почти как здоровый ребенок. Эти двое обнимались, будто после долгой разлуки. Удивительная способность ребенка — отмечать своей горячей любовью тех людей, которых он сам принимает в круг родных. Ире пришлось отвернуться, чтобы никто не увидел ее мокрых глаз. Они ведь сегодня собирались только веселиться.

Они праздновали. А потом пошли достаточно тяжелые будни: Таисия училась пользоваться ходунками, пыталась сама себя обслуживать. Соня рассказывала Ирине по телефону, как ей в этом помогает Сардор.

— Ты не представляешь. Я сама такое не могла бы представить. Он ее умывает, горшок за ней выносит, пытается кормить с ложечки, хотя она и сама может есть. Говорит: «Тебе нельзя тратить силы. У тебя есть Сардор».

Евгения Михайлова

— Когда речь о Сардоре, — произнесла Ирина, — я могу себе все представить. Даже самое невероятное. А я как раз собиралась сказать... Мне позвонил хирург Игорь Сергеевич. Он ждет Сардора в клинике через три дня. Операция будет тоже скоро. Он уточнит.

— Господи, нам же нужно собираться.

— Да. Я помогу. Соня, хочу тебя предупредить. Этот хирург достаточно суровый человек. Я начала разговор о том, что ты должна быть с Сардором, он даже не стал это обсуждать. Что-то сказал про одинаковые правила для всех и разъединился. Торопился очень. Но ты не начинай волноваться, мы все решим. Я еще раз поговорю с Леоном Артуровичем.

Через три дня они приехали в клинику. Соня несла сумку с вещами мальчика, Ира держала в руке пакет с тапочками — пушистыми, мягкими, с мордочками животных сверху. Три пары: кролики, котики и собачки. Руки у Иры дрожали. Сардор шел сам. Их провели в закрытый отсек на третьем этаже. Там одна маленькая палата — для Сардора. Операционная напротив — по диагонали. Их встретил высокий человек: из-под шапочки хирурга видна прядь светлых волос, а глаза неожиданно темные и холодные.

— Добрый день, — произнес он. — Я Володин Игорь Сергеевич, хирург. Надеюсь на разумное сотрудничество, — он требовательно посмотрел на Соню. Затем наклонился к Сардору и протянул ему руку: — Будем знакомы, Сардор. Для тебя я просто Игорь. Мы с тобой мужчины, и мы должны быть вместе в этой борьбе. Ты меня понял?

— Да, — мягко ответил Сардор. — Я буду с тобой в борьбе.

Хирург так быстро ушел, что Ира не смогла с ним поговорить о том, чтобы Соня осталась.

— По крайней мере он не сказал, чтобы ты уходила, — постаралась бодро заметить она.

Они вошли в палату, где санитарка стелила белье на кровати у окна. Она показала им тумбочку и шкаф, куда можно повесить одежду Сардора.

— Я его мама, — сказала ей Соня. — Я с ним останусь?

— Такое я не решаю. Раз доктор не велел тебе уходить — побудь. Он скажет, если что.

Соня осталась раскладывать вещи, переодела Сардора в пижаму, которую они принесли с собой. Ира шепнула ей «будь на связи» и отправилась в кабинет Петрова. Удачная, как ей казалось, идея осенила ее буквально сейчас.

Евгения Михайлова

Леон Артурович был у себя, отмахнулся от горячих выражений благодарности:

— Давайте без этого, ладно? Там все в порядке? Ребенка устроили, с хирургом познакомились?

— Да. Очень серьезный человек. И видно, как он занят. Я даже не успела поговорить о том, что Соня должна оставаться с Сардором. Что это жизненно важно. Я подумала, может, лучше, если это вы скажете?

— Ирина, прошу понять меня правильно. Мои полномочия закончились. В ситуации появился главнокомандующий. Он оставил других пациентов, выделил ребенку особую палату. Там наша операционная для исключительных случаев. Рядом реанимация. Строжайший порядок, идеальная чистота. Это все залог успеха. Я к тому, что вопрос с матерью может решить только он. Что-то еще?

— Да. Просьба от нашего канала: вы разрешите нам что-то снимать — до операции, может, после? Это ведь не просто уникальная операция, это еще благородная, полностью благотворительная акция. Мы подумали, что репортаж помог бы вашему делу. Все, чем можем отблагодарить. Вы разрешите?

— Я не возражаю, конечно. Мы в своей практике встречаемся только с претензиями. Да, думаю, это было бы неплохо.

— Так вы подпишете разрешение на съемку?

— Конечно. Но с Володиным тоже согласуйте. Надеюсь, мы все поладим, — Петров улыбнулся и встал, давая понять, что разговор закончен.

Вечером Ирина позвонила Соне:

— Как там у вас?

— Хирург осмотрел Сардора. Раньше его возили на обследование. Со мной вообще не говорит. Я стояла в коридоре. Он сказал, обращаясь к нянечке: «Палату перед сном помыть и проверить. Кондиционер не включайте. И ребенок должен быть один. Проследите». И ушел. Я спросила у нянечки: это не значит, что меня выгоняют из клиники? Она говорит: врач сказал, чтобы ребенок был один в палате. Сиди, раз тебя не гонят. Там в конце коридора есть диванчик. Сейчас она мне еду какую-то принесла. Я зашла к Сардору поцеловать его на ночь и сказала, что буду спать за дверью. Но меня трясет от страха.

— Да, проблема. Но есть и хорошие новости. Петров разрешил съемку в день операции. Я это придумала, чтобы хирург и ответственность понял, и захотел себя проявить чутким, гуманным человеком. Не знаю, как ему объяснить про вашу

Евгения Михайлова

мистическую связь. Он не похож на человека, который в такое верит.

Соня прожила на птичьих правах на маленьком диванчике в коридоре два дня до операции. К ребенку заглядывала при любой возможности. Иногда по коридору проходил Игорь Сергеевич. Он или делал вид, будто не видит ее, или на самом деле не замечал.

В день операции рано утром в отделении началась генеральная уборка. Соня попросила швабру, тряпку и приняла участие. К десяти часам приехала Ирина со съемочной группой. Показали разрешение директора, поставили свет. Ирина вошла с микрофоном к Сардору. Оператор успел снять его бледное, но обрадованное, приветливое личико. И тут в палату вошел Володин.

— Попрошу выйти на минуту для разговора, — произнес он.

Ира сделала знак оператору выключить камеру, вышла. Володин отвел ее в сторону и не сказал, а скомандовал побелевшими от ярости губами:

— Вы на чем решили свои шоу строить? На последнем шансе ребенка? На моем риске оборвать эту жизнь прямо сейчас? Сворачивайте свой балаган и убирайтесь. В противном случае я все отменяю.

— Но... Леон Артурович подписал...

— Так бегите за ним. Пусть идет сюда и готовится к операции. Мой план он видел. Справится.

Ира была в ужасе. Ни с чем подобным она никогда не сталкивалась. Но и ситуации такой она даже не могла себе представить. Краем глаза она видела Сою с белым лицом и прижатыми к груди руками. Решение приняла мгновенно.

— Мы уходим. Приношу вам свои извинения. Я потом смогу навестить Сардора? Это очень важный для меня ребенок.

— Потом решим. Если у нас будет потом.

— Игорь Сергеевич, еще секунду. Вам Леон Артурович говорил о том, что Сардор был в клинической смерти и что он возвращался на голос матери?

— У меня больше нет секунд, которые я мог бы на вас потратить. Много серьезных дел. И знаете что: оставьте эти розовые слюни для своих передач. Пациент должен вернуться не на голос матери, а потому что хирург все сделал верно.

Группа уехала. Операция началась. Соня на своем диванчике скрутилась в комок, чтобы не быть заметной вообще. Ире она звонила из туалета. Так прошло двенадцать часов. Ире казалось, что она при каждом взгляде на циферблат, на телефон теряет сознание. Вечером она по-

Евгения Михайлова

шла помочь Таисии Ивановне. Та просто рыдала в голос и кричала: что вы натворили. Он ходил, смеялся, он ел и рисовал... Чем вам все это помешало...

Есть Таисия отказалась, выпила болеутоляющее и две снотворные таблетки. Ира вернулась к себе, когда она уснула. Прошла сквозь глухую и немую ночь. В квартире посмотрела на свой телефон: может, он разрядился? Нет. Просто никто не звонил. Ничего более зловещего, чем этот онемевший телефон, Ира, кажется, не видела. Он теперь может взорваться только бедой. Столько часов прошло...

Соня позвонила на рассвете.

— Ира, — прошептала она. — Звоню опять из туалета. Ирочка! Все прошло! Мы есть! Игорь сказал: операция прошла в заданном режиме. И еще... Ты не поверишь. Когда Сардора увезли в реанимацию, хирург подошел ко мне. Он сказал: «Расскажите мне о вашем опыте с клинической смертью Сардора. Только коротко». Я рассказала: меня пускали в реанимацию, и я звала... Ира, он повел меня в реанимацию. Сардора уже выводили из наркоза. Я тихонько позвала, он даже глазки еще не открыл, но ручку поднял и пальчиками пошевелил...

— Сонечка. У меня нет слов. Я сейчас разьединюсь, иначе взорвусь от рыданий. Сардор еще в реанимации?

— Да. И я иду туда. Буду стоять за дверью. Она стеклянная, мне все видно. Меня никто не гонит!

Так все они вступили в странное, нереально светлое время. Ребенок был очень слаб, но он становился крепче и увереннее с каждым днем. И, самое главное, отступило и начало таять то грозное облако беды, которое раньше чувствовал любой рядом с Сардором. В клинике Петрова мальчик стал всеобщим любимцем. Его навещали врачи из других отделений, все старались сказать что-то ободряющее. Медсестры прибегали, чтобы положить на тумбочку что-то вкусное.

— Это наш принц, — гордо заявляла всем нянечка Даша.

Однажды Ира, войдя в палату к Сардору, обнаружила у его кровати Леона Артуровича. Он держал мальчика за руку и говорил ему что-то ласковое. Почти смутился, увидев Иру:

— Захожу посмотреть на героя. Думаю: может, где-то продается медаль за храбрость? Я бы ему купил. Вижу, у вас есть коллекция теплых тапочек. Начинайте потихоньку гулять, выходите в коридор. Но не давайте ему уставать.

Евгения Михайлова

Ира вышла вместе с ним из палаты:

— Леон Артурович, я просто дилетант, но как вы считаете: операция была успешной?

— Более чем, — уверенно сказал Петров. — Сейчас все дело в уходе и восстановлении. Дальше начнет работать возраст. Самое сложное для мальчика — перерасти свои проблемы. Перегородочка уже справляется, потом окрепший организм станет работать на силу сердца. Да, хотел вам сказать. Я в курсе, что Володин выгнал вас с группой. Он такой. Но справедливости ради скажу по секрету. Для него это очень важное дело. Он перед операцией закупил за свои деньги самые дорогие и дефицитные у нас препараты. Те, которые клиника не может заказать и получить официально.

— Господи, да я не в обиде. Поняла, что это необычный человек. Он мать пустил в реанимацию.

Они гуляли с Сардором по коридору, меняя тапочки с мордочками животных. Он нежно щекотал, смеялся, глядя на свои ножки с ушами и глазками.

Когда Сардора выписывали, в коридоре собралось много желающих попрощаться, пожелать здоровья. Последним вошел своей решительной походкой Игорь Сергеевич. Соня уже держала

Сардора на руках. Врач взял его ручку в свои ладони и произнес:

— Пока, мой маленький и очень большой друг. Ты едешь домой, мы будем видеться с тобой иногда. Запомни: ты мне очень нужен. Я не позволю вернуться твоей боли. — Он посмотрел на Сою: — Софья, вы разрешите мне навестить как-нибудь Сардора?

— Она разрешит! — звонко ответил за маму мальчик. — Мама, пусть Игорь к нам приходит? Скажи же ему — да.

— Да, конечно, — улыбнулась Соня и подняла взмокшие ресницы над синими глазами.

Ребенок открывал для себя мир, который так долго не мог прочувствовать своим изувеченным сердечком. Он узнавал азарт быстрой ходьбы и даже бега, пытался улететь в прыжок. И эта всеобщая любовь, внимание, подарки... Так они встречали пятилетие Садора. Как самый главный праздник этой маленькой и такой драматичной жизни-борьбы.

Вечером они собрались уже не в кухне — там было мало места, а в гостиной Таисии Ивановны. Пришла нянечка Даша из клиники с огромным плюшевым медведем. И главный гость — хирург Игорь. Так его теперь в этом доме называли все — Сардор, Соня, Таисия Ивановна.

Евгения Михайлова

Телефон Сони ожил в разгар веселья. Ира видела, как Соня взглянула на дисплей и тревожно нахмурилась. Она ответила. Встала из-за стола и перешла в прихожую. Ирина, которая уже привыкла к своему постоянному делу — страховать Соню, — двинулась за ней.

— Да, спасибо, что позвонил. Я обязательно ему передам твои поздравления. Сейчас Сардор уже лег спать. Так ты знаешь? Таисия мне не говорила, что ты звонил. Да, операция, кажется, прошла успешно. Мой мальчик живет сейчас, как и положено выздоравливающему ребенку... Ну, это пока никто не скажет. На длительный срок никто не дает прогноза. Но есть вероятность, что все перерастет, он со всем справится... Нет, конечно. Как мы можем сейчас уехать из Москвы? Сын тут под особым наблюдением... Извини, Умар, я больше не могу сейчас говорить. Звони, пока.

— Муж? — уточнила у Сони Ира.

— Да, — морщинка между бровями Сони стала еще глубже. — Он, оказывается, уже звонил Таисии, знает про операцию, в курсе, что все прошло хорошо, и требует, чтобы мы возвращались в Ташкент.

— Но ты объяснила.

— Ему ничего нельзя объяснить. Меня испугал его требовательный тон... Отвыкла, наверное.

Последующие яркие, солнечные дни стерли тягостное воспоминание об этом звонке. По крайней мере, Ирина уже наутро увидела все совершенно в другом свете. Муж Сони — тяжелый человек, но все его участие в происходящем на протяжении их трехлетнего пребывания в Москве — это такие звонки. Просто желание заявить, что он все еще муж и отец. В конце концов он уязвлен уже тем, что все это время живет без семьи. Молодой мужчина. Скорее всего, ему нужна именно Соня, Сардора он ведь не замечал в тот год, что они жили вместе. Он даже был против лечения больного ребенка. Хотел других, здоровых. Да, конечно, это просто мужская амбиция, голословная претензия на власть. Соня от него никак не зависит. Она совершенно самостоятельная и просто не нашла пока возможности развестись.

Ире казалось, что и Соня совсем успокоилась через несколько дней после того телефонного разговора. Она подписалась на большое количество часов репетиторства. По-прежнему круглосуточно бегала на любую подработку. Ребенку скоро понадобятся абонементы в бассейн, в спортивный зал. Нужны дорогие препараты.

Евгения Михайлова

Соня работала в тот вечер на другом конце Москвы. Таисия Ивановна позвонила в истерику и панике всем, кому могла: Соне, Ире, Игорю, даже нянечке Даше... Рассказала такое, что все оцепенели в ужасе. Умар позвонил ей сначала по телефону, сообщил, что он по делу в Москве, спросил, где Соня. Потом сказал:

— Раз работает, не надо ей мешать. Разрешите мне, пожалуйста, повидаться с сыном. Я ненадолго. Может, и Соня скоро вернется. Если будет поздно, я уеду, потом ей позвоню.

Таисии Ивановне даже в голову не пришло, что в такой ситуации можно отказать отцу. Соня с ней особенно не делилась подробностями семейных отношений. Она объяснила, как к ним доехать. А сама отправилась на кухню готовить сытный ужин мужчине, которому предстоит дальняя дорога.

Умар вошел, поздоровался, сразу позвал Сардора. Мальчик робко вышел из своей комнаты, отец к нему не прикоснулся, только придирчиво осмотрел и кивнул.

— Ну, здравствуй. Забыл меня? Ничего, сейчас вспомнишь. Пойдем, расскажешь, как твои дела.

Таисия оставила их на диване в гостиной, а сама накрывала на кухне стол, расставляла при-

боры вокруг блюда с приготовленной едой. Она не торопилась: пусть поговорят о своем без посторонних ушей. Вдруг ей послышалось, что хлопнула входная дверь. Подумала: наверное, Соня пришла. Направилась, все еще прихрамывая, в прихожую. Она оказалась пустой. Таисия вошла в гостиную — там тоже никого. В страхе и почти в безумии она обошла все помещения квартиры и лишь потом выглянула в окно. В свете фонаря она увидела, как от их подъезда отъехала машина. Синяя, это все, что она увидела. Стала звонить, рассказывала, задыхаясь и плача.

Потом время ушло на перезвон. Ира — Соне. Соня — Игорю, Игорь — ей.

— У меня пациент уже в операционной с анестезиологом, — сказал Игорь Соне. — Отменить ничего не могу.

— Мне звонить в полицию?

— Это ничего не даст. Он родной отец, они не бросятся догонять. Подожди. Я позвоню своему приятелю, он частный детектив, работает с отделом убийств и похищений.

— Ой.

— Просто такое название. Не тратим время. Если у меня получится, Сергей тебе позвонит. Он что-то придумает. Бери трубку на звонок с незнакомого номера. Последние цифры 25.

Евгения Михайлова

Пока Игорь искал своего частного детектива и общался с ним, Ира заехала за Соней. Та вышла из высотки, в которую ездила помогать парализованной старухе, и тряслась посреди двора.

— Не звонил никто? — спросила Ира.

— Еще нет. У Игоря все время занято, наверное, или общается, или дозванивается.

— Пойдем в машину, а то как-то холодно тут стало. Наверное, от нашего страха.

Вскоре телефон Сони затрезвонил. Человек представился Сергеем Кольцовым, частным детективом и другом Володина.

— Софья, не будем тратить время. Мне Игорь все объяснил. Я связался с руководителем отдела, с которым работаю, они уже получили всю информацию у вашей квартирной хозяйки. Сейчас работают по адресу: прослеживают маршрут. Задача — обнаружить и остановить машину. Игорь сказал, что малыш должен сразу вас увидеть. Это для него жизненно важно. Скажите, где вы, я вас заберу.

— Запомните адрес? Мы тут во дворе. Моей подруге можно будет поехать за нами? Она на своей машине. Она журналистка.

— Конечно. Ждите.

...Операция удалась. Когда Сергей Кольцов и Соня вышли из машины на границе Подмосковья,